

МК
Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ“

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА № 2

И. В. БУНИНЪ

НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ
ТАНЬКА

Москва 1916 г.

1116
575

МК

Т-во «КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ ВЪ МОСКВѢ»

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 2

Ив. БУНИНЪ

НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ

ТАНЬКА

Москва 1916 г.

НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ

На вокзалѣ не было обычной суматохи: наступала святая ночь. Когда прошелъ курьерскій девятичасовой поѣздъ, всѣ служащіе поспѣшили докончить только самыя неотложныя дѣла, чтобы поскорѣе разойтись по квартирамъ, вымыться, надѣть все чистое и въ семьѣ, съ облегченнымъ сердцемъ, дожидаться праздника, отдохнуть хотя не надолго отъ безпорядочной жизни.

Полутемный залъ третьяго класса, всегда переполненный людьми гуломъ нестройнаго говора, тяжелымъ теплымъ воздухомъ, теперь былъ пустъ и прибранъ. Въ отворенныя окна и двери вѣяло чистой свѣжестью южной ночи. Въ углу восковыя свѣчи слабо озаряли аналой и золотыя иконы, и среди нихъ грустно глядѣлъ темный ликъ Спасителя. Лампада краснаго стекла тихо покачивалась передъ нимъ, по золотому окладу двигались полосы сумрака и свѣта...

Проѣзжимъ мужикамъ изъ голодающей губерніи некуда было пойти приготовиться къ празднику. Они сидѣли въ темнотѣ, на концѣ длинной платформы.

Они чувствовали себя гдѣ-то страшно далеко отъ родныхъ мѣстъ, среди чужихъ людей, подъ чужимъ небомъ, Первый разъ въ жизни имъ пришлось двинуться на „чизы“.

на дальніе заработки. Они всего боялись и даже передъ носильщиками неловко и торопливо сдерживали свои расстрепанные шапки. Уже второй день томились они скукой, ожидая, пока къ нимъ выйдетъ тщедушная и горделивая фигурка помощника начальника станціи (они уже успѣли прозвать его „кочеткомъ“) и строго объявить, когда и какой товарный поѣздъ потянетъ ихъ на „Харьцызскую“. Со скуки они весь день проспали.

Душный вечеръ расслаблялъ тѣло. Надвигались тучи. Изрѣдко обдавалъ теплый благовонный вѣтеръ запахомъ распускающихся тополей. Не смолкая ни на минуту, несся съ ближняго болота злорадный хохотъ лягушекъ и, какъ всякій непрерывный звукъ, не нарушалъ тишины. Направо едва-едва свѣтилъ далекій закатъ; тускло поблескивая, убѣгали туда рельсы. Налѣво уже стояла синяя темнота. Огонекъ диска висѣлъ въ воздухѣ одинокой зеленовато-блѣдной звѣздой. Оттуда, съ неизвѣстныхъ степныхъ мѣстъ, шла ночь...

— Охъ, должно, не скоро еще!—шопотомъ сказалъ одинъ, полужележавшій около вокзальныхъ ведеръ, и протяжно зѣвнулъ.

— Служба-то?—отозвался другой.—Должно не скоро. Теперь не болѣ семи.

— А то и всѣхъ восемь наберется,—добавилъ третій.

Всѣмъ было тяжело. Только одинъ не хотѣлъ сознаться въ этомъ.

— Ай соскучился? „А-а-а“...—зѣвнулъ онъ, передразнивая перваго говорившаго.—Гляди, ребята, зареветъ еще, пожалуй!

— Будя, Кириухъ, буровить-то,—серьезно отвѣтилъ первый и дѣловымъ тономъ обратился къ сосѣду:—Парменычъ, поди глянь на часы, ты письменный.

Парменычъ отозвался добрымъ слабымъ голосомъ:

— Не уразумѣю, малый, по тугопнимъ, все сбиваюсь: цѣлыхъ три стрѣлки.

— Да ай не все равно,—опять замѣтилъ Кириллъ насмѣшливо.—Хушь смотри, хушь не смотри—одна честь!

Это былъ молодой мужикъ съ добрымъ толстымъ лицомъ; онъ недавно женился и скучалъ теперь сильно, хотя и скрывалъ тоску въ безпечной позѣ—лежа на животѣ и раскинувъ ноги въ стороны; только иногда крѣпко вертѣлъ лохматой головой.

Долго молчали. Тучи надвинулись, густая темнота теплой ночи мягко обнимала все. Старикъ открылъ трубку, помнялъ пальцемъ краснѣвшій въ ней огонь и на время такъ жарко раскурилъ ее, что смутно освѣтилъ свои сѣдые солдатскіе усы и воротъ зипуна. На мгновение выступили изъ мрака и бѣлая рубаха лежащаго на животѣ, и заскорузные, изорванные полшубки двухъ другихъ пожилыхъ мужиковъ. Потомъ онъ закрылъ трубку, попытѣлъ и покосился влѣво, на своего племянника. Тотъ дремалъ. Длинные худыя ноги его, завернутыя въ бѣлыя суконныя портянки, лежали безъ движенія; по очертаніямъ худощаваго тѣла и узкихъ плечъ было видно, что это совсѣмъ еще мальчикъ, истомленный и до времени вытянувшійся на работѣ.

— Ѳедоръ, спишь?—тихо окликнулъ его старикъ.

— Н-яѣтъ, --отвѣтилъ тотъ сирымъ голосомъ.

Старикъ ласково наклонился къ нему и, улыбаясь, шопотомъ спросилъ:

— Ай соскучился?

Отвѣтъ послѣдовалъ не сразу:

— Чего жъ мнѣ скучать?

— Да ну! Ты скажи, не бойся.

— Я и так не боюсь.

— То-то, молъ, не таись...

Федька молчалъ. Старикъ долго съ задумчивой улыбкой глядѣлъ на его худенькія плечи... потомъ тихонько отвернулся.

Уже и на закатѣ стемнѣло. Контуры вокзальныхъ крышъ едва рисовались на фонѣ ночного неба. Тамъ, гдѣ оно сливалось съ темнотою земли, перекрещивались и мигали зеленые, синіе и красные огоньки. Осторожно лязгая колесами, прокатился мимо платформы паровозъ, освѣтилъ ее краснымъ отблескомъ растопленной печи, около которой, какъ въ тѣсномъ уголкѣ ада, копошились какіе-то черные люди, и все опять потонуло въ темнотѣ. Мужики долго прислушивались, какъ онъ гдѣ-то въ сторонѣ сипѣлъ горячимъ паромъ.

Потомъ издалека гнусаво зашѣлъ рожокъ. Изъ темноты и изъ-за разноцвѣтныхъ огней выдѣлился треугольникъ огненныхъ глазъ. Онъ разгорался и приближался медленно-медленно, а за нимъ тянулся длинный, безконечно длинный товарный поѣздъ; подвигаясь все слабѣе, онъ остановился и затихъ. Черезъ минуту что то завизжало, заскрипѣло, вагоны дрогнули, подались назадъ— и замерли. Раздались чьи-то громкіе голоса и тоже смолкли. Кто-то, невидимый, несъ фонарь, и свѣтлый кругъ, колеблясь, двигался по землѣ, подъ темной стѣной вагоновъ.

— Тридцать четыре,—сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

— Кого? Вагоновъ-то? Болѣ будя.

— А, можетъ, и болѣ...

Федька облокотился на руку и долго глядѣлъ на темную массу паровоза, смутно освѣщенную по срединѣ, слушалъ, какъ что-то клокотало и замирало въ немъ,

какъ потомъ онъ отдѣлился отъ поѣзда и, облегченно и тяжело вздохнувъ нѣсколько разъ, ушелъ въ темноту, отрывистыми свистками требуя пути... Ничто, ничто не напоминало тутъ праздника!

— Я думалъ, они хушь въ праздникъ-то не ходять,—сказалъ Федька..

— Ну да, не ходять! Имъ нельзя не ходить...

И послышались несмѣлыя предположенія, что, можетъ-быть, съ этимъ-то поѣздомъ ихъ и отправять. Тяжело въ такую ночь сидѣть въ темнотѣ товарныхъ вагоновъ, да ужъ все одно, лучше бы отправили!

Старикъ заговорилъ о „Харьцызской“. Но впереди была полная неизвѣстность: и гдѣ эта „Харьцызская“, и когда они прїѣдутъ туда, и какая будетъ работа, да и будетъ ли еще? Вотъ, если бы земляковъ встрѣтить, которые направили бы на хорошее мѣсто! А то, пожалуй, опять придется сидѣть гдѣ-нибудь въ томительномъ ожиданіи, запивать сухой хлѣбъ теплой водой изъ вокзальной кадки... И тоска, тревога снова овладѣла всѣми. Даже Кирилль заворочался, безпокойно зачесался, сѣлъ и опустил голову...

— И чего тутъ остались?—послышался одинъ неуверенный голосъ. — Хоть бы въ городъ пошли — авось, всего версты четыре... либо въ монастырь...

— А ну какъ сейчасъ велеть садиться? — угроמו отвѣтилъ Кирилль.—Его пропустишь, а тамъ и сиди опять десять день.

— Надо пойтить, спросить...

— Спросить? У кого?

— Да у начальника...

— И правда, пожалуй...

— Да его теперь, небось, нѣту...

— Ну, кто-нибудь за него...

— Служба-то и тутъ такая же будетъ,— проговорилъ Кирилль попрежнему угрюмо.

— Не такая же, короткая, сказывали, будетъ... И разговѣться нечѣмъ...

— А какъ совѣмъ пойдешь Христа ради?

И все съ тоской поглядѣли на вокзальныя постройки, гдѣ свѣтились окна, гдѣ въ каждой семьѣ шли приготовленія къ празднику.

— Дни-то, дни то какіе!—со вздохомъ слабымъ, задушевнымъ голосомъ сказалъ старикъ.—А мы, какъ татаре какіе, и въ церкви ни разу не были!

— Ты бы теперь ужъ на клиросѣ читалъ, дѣдушка...

Но старикъ не слышалъ этихъ мягко и грустно сказанныхъ словъ. Онъ сядѣлъ и бормоталъ въ раздумьи:

„Предходить сему лицу Ангельсти со всякимъ началомъ и властью... лице закрывающе и воиюще пѣснь аллилуія...“

И, помолчавъ, прибавилъ увѣрениѣ, глядя въ одну точку передъ собою:

„Воскресни, Боже, суди земли, яко ты наслѣдиши во всехъ языцѣхъ...“

Все упорно молчали.

Все думали объ одномъ, всехъ соединяла одна грусть, одни воспоминанія. Вотъ наступаетъ вечеръ, наступаетъ сдержанная суматоха послѣднихъ приготовленій къ церкви. На дворахъ запрягаютъ лошадей, ходятъ мужики въ новыхъ сапогахъ и еще расноясанныхъ рубахахъ, съ мокрыми, расчесанными волосами; полунаряженные дѣвки и бабы то-и-дѣло перебѣгаютъ отъ избъ къ пунькамъ, въ избахъ завязываютъ въ платки куличи и пасхи... Потомъ деревня остается пустою и тихою... Надъ темной цер-

той горизонта, на фонѣ заката, видны силуэты идущихъ и ѣдущихъ на село... На селѣ, около церкви, поскрипываютъ въ темнотѣ подъѣзжающія телѣги; церковь освѣщается... Въ церкви уже идетъ чтеніе, уже тѣснота и легкая толкотня, пахнетъ восковыми свѣчами, новыми полшубками и свѣжими ситцами... А на паперти и на могилахъ, съ другой стороны церкви, темнѣютъ кучки народа, слышатся сдержанные голоса...

Вдругъ гдѣ-то далеко ударили въ колоколъ. Мужики зашевелились, разомъ поднялись и, крестясь, обнаживъ головы, до земли поклонились на востокъ.

— Федоръ! Вставай!—взволнованно пробормоталъ старикъ.

Мальчикъ вскочилъ и закрестился быстро и нервно. Засуетились и прочіе, торопливо накидывая на плечи котомки.

За окнами вокзала уже трепетали огни восковыхъ свѣчей. Золотыя иконы сливались съ золотымъ ихъ блескомъ. Залъ третьяго класса наполнялся служащими, рабочими. Мужики стали на платформѣ, у дверей, не смѣя войти.

Поспѣшно прошелъ молодой священникъ съ причтомъ и сталъ облачаться въ свѣтлыя ризы, шуршація глазетомъ; онъ что-то говорилъ и зорко вглядывался въ полусумракъ наполнявшагося народомъ зала. Зажигаемая свѣчи осторожно потрескивали, вѣтерокъ колебалъ ихъ огни. А издалека, подъ темнымъ ночнымъ небомъ, лился густой звонъ.

„Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси...“—торопясь, началъ священникъ звонкимъ терпениемъ.

И какъ только онъ сказалъ это, вся толпа заволно-

валась, задвигалась, крестясь и кланяясь, и сразу стало свѣтлѣе въ залѣ, на всѣхъ лицахъ засіялъ теплый отблескъ восковыхъ свѣчей, загорѣвшихся во всѣхъ рюкахъ.

Одни мужики стояли въ темнотѣ. Они опустили на колѣни и торопливо крестились, то надолго припадая лбами къ порогу, то жадно и скорбно смотря въ глубину освѣщеннаго зала, на огни и иконы, поднявъ свои худыя лица съ пепельными губами, свои голодные глаза...

— Воскресни, Боже, суди земли!

ТАНЬКА

Танькѣ стало холодно, и она проснулась.

Высвободивъ руку изъ попонки, въ которую она не ловко закуталась ночью, Танька вытянулась, глубоко вздохнула и опять сжалась. Но все-таки было холодно. Она подкатилась подъ самую „голову“ печи и прижала къ ней Ваську. Тотъ открылъ глаза и взглянулъ такъ свѣтло, какъ смотреть со сна только здоровыя дѣти. Потомъ повернулся на бокъ и затихъ. Танька тоже стала задремывать. Но въ избѣ стукнула дверь: мать, шурша, протаскивала изъ сѣнець охапку соломы.

— Холодно, тетка? — спросилъ странникъ, лежа на коникѣ.

— Нѣтъ, — отвѣтила Марья, — туманъ. А собаки валяются, — безпремѣнно къ мятели.

Она искала спичекъ и гремѣла ухватами.

Странникъ спустилъ ноги съ коника, зѣвалъ и обувался.

Въ окна брезжилъ синеватый холодный свѣтъ утра; подъ лавкой шишѣлъ и крикалъ проснувшійся хромой селезень. Теленокъ поднялся на слабыя растопыренныя ножки, судорожно вытянулъ хвостъ и такъ глупо и отрывисто мякнулъ, что странникъ засмѣялся и сказалъ:

— Сиротка! Корову-то прогусарили?

- Продали.
- И лошади иѣту?
- Продали.

Танька раскрыла глаза.

Продажа лошади особенно врѣзалась ей въ память. „Когда еще картохи копали“, въ сухой, вѣтренный день, мать на полѣ полудневала, плакала и говорила, что ей „кусочекъ въ горло не идетъ“, и Танька все смотрѣла на ея горло, не понимая, о чемъ толкъ.

Потомъ въ большой крѣпкой телѣгѣ съ высокими передкомъ прѣзжали „анчихристы“. Оба они были похожи другъ на дружку—черны, засалены, подпоясаны по кострецамъ. За ними пришелъ еще одинъ, еще чернѣе, съ палкой въ рукѣ, что-то громко кричалъ и немного погоди вывелъ со двора лошадь и побѣжалъ съ нею по выгону; за нимъ бѣгалъ отецъ, и Танька думала, что онъ погнался отнимать лошадь, догналъ и опять увелъ ее во дворъ. Мать стояла на порогѣ избы и голосила. Глядя на нее, заревѣлъ во все горло и Васька... Потомъ „черный“ опять вывелъ со двора лошадь, привязалъ ее къ телѣгѣ и рысью поѣхалъ подъ гору... И отецъ уже не погнался...

„Анчихристы“, лошадики-мѣшане, были, и, правда, свирѣпы на видъ, особенно послѣдній—Талдыкинъ. Онъ пришелъ позднѣе, а до него два первые только цѣну сбивали. Они наперебой пытали лошадь, драли ей морду, били палками.

— Ну,—кричалъ одинъ,—смотри сюда, получай съ Богомъ деньги!

— Не мои онѣ, побереги, полцѣны брать не приходится,—уклончиво отвѣчалъ Корнѣй.

— Да какая же это полцѣна, ежели къ примѣру, ко-

быленкѣ болѣ годовъ, чѣмъ намъ съ тобой? Молись Богу!

— Что зря толковать,—разсѣянно возражалъ Корнѣй.

Тутъ-то и пришелъ Талдыкинъ, здоровый, толстый мѣшанинъ съ физиономіей мопса: блестящіе, злые, черные глаза, форма носа, скулы—все напоминало въ немъ эту собачью породу.

— Что за шумъ, а драки иѣту?—сказалъ онъ, входя и улыбаясь, если только можно назвать улыбкой раздуваніе ноздрей.

Онъ подошелъ къ лошади, остановился и долго равнодушно молчалъ, глядя на нее. Потомъ повернулся, небрежно сказалъ товарищамъ: „поскорѣйча, ѣхать время, я на выгонѣ дожду“—и пошелъ къ воротамъ.

Корнѣй нерѣшительно окликнулъ:

— Что жъ не глянулъ лошадь-то?

Талдыкинъ остановился.

— Долгаго взгляда не стоять,—сказалъ онъ.

— Да ты поди, побалакаемъ...

Талдыкинъ подошелъ и сдѣлалъ лѣнивые глаза.

— Ну?

Онъ внезапно ударилъ лошадь подъ брюхо, дернулъ ее за хвостъ, пощупалъ подъ лопатками, понюхалъ руку и отошелъ.

— Плоха?—стараясь шутить, спросилъ Корнѣй.

Талдыкинъ хмыкнулъ.

— Долголѣтня?

— Лошадь не старая.

— Тѣкъ. Значить, первая голова на плечахъ?

Корнѣй смутился.

Талдыкинъ быстро всунулъ кулакъ въ уголокъ губъ лошади, взглянулъ какъ бы мелькомъ ей въ зубы и,

обтирая руку о полу, насмѣшливо и скороговоркой спросилъ:

— Такъ не стара? Твой дѣдъ не ѣздилъ вѣнчаться на ней?.. Ну, да намъ сойдеть, получай одиннадцать желтенькихъ.

И, не дожидаясь отвѣта Корнѣя, достала деньги и взяла лошадь за обротъ.

— Молись Богу, да полбутылочки ставь.

— Что ты, что ты?—обидѣлся Корнѣй.—Ты безъ креста, дядя!

— Что?—воскликнулъ Талдыкинъ грозно.—Денегъ не желаешь? Бери, пока дуракъ попадается, бери, говорить тебѣ!

— Да какія же это деньги?

— Такія, какихъ у тебя нѣту.

— Нѣтъ, ужъ лучше не надо...

— Ну, черезъ нѣкоторое число за семь отдашь, съ удовольствіемъ отдашь,—вѣрь совѣсти...

Корнѣй отошелъ, взявъ топоръ и съ дѣловымъ видомъ сталъ тесать подушку подъ телѣгу.

Потомъ пробовали лошадь на выгонѣ... И какъ ни хитрилъ Корнѣй, какъ ни сдерживался, не отвоевалъ таки!

Когда же пришелъ октябрь, и въ посинѣвшемъ отъ холода воздухѣ замелькали, повалили бѣлые хлопья, заноса выгонъ, лазины и заваленку избы,—Танькѣ каждый день пришлось удивляться на мать.

Бывало, съ началомъ зимы, для всѣхъ ребятишекъ начинались истинныя мученія, протекавшія, съ одной стороны, отъ желанія удрать изъ избы, пробѣжать по полю въ свѣгу черезъ лугъ и, катаясь на ногахъ по первому синему льду пруда, бить по немъ палками и

слушать какъ онъ гулькаетъ, а съ другой стороны—отъ грозныхъ окриковъ матери:

— Ты куда? Чичерьъ, холодъ—а она, накоса! Съ мальчишками на прудъ! Сейчасъ лѣзь на печь, а то смотри у меня, демоненокъ!

Бывало, съ грустью приходилось довольствоваться тѣмъ, что на печь протягивалась чашка съ дымящимися разсыпчатыми картошками и ломоть пахнущаго клѣтью, круто посоленнаго хлѣба. Теперь же мать совсѣмъ не давала по утрамъ ни хлѣба, ни картошекъ, на просьбы объ этомъ отвѣчала:

— Иди, я тебя одѣну, ступай на прудъ, дѣточка!

Прошлую зиму Танька и даже Васька ложились спать поздно и могли спокойно наслаждаться сидѣньемъ на „групкѣ“ печки хоть до полуночи. Въ избѣ стоялъ распаренный густой воздухъ; на столѣ горѣла лампочка безъ стекла, и копотъ темнымъ, дрожащимъ фитилемъ достигала до самаго потолка. Около стола сидѣлъ отецъ и шилъ полушубки; мать чинила рубахи или вязала варежки; наклоненное лицо ея въ это время было кротко и ласково. Тихимъ голосомъ пѣла она старинныя пѣсни, которыя слыхала еще въ дѣвчествѣ, и Танькѣ часто хотѣлось отъ нихъ плакать. Въ темной избѣ, завѣянной снѣжными вьюгами, вспоминалась Марьѣ ея молодость, вспоминались жаркіе сѣнокосы и вечернія зори, когда шла она въ дѣвичьей толпѣ полевой дорогой, съ звонкими пѣснями, а за ржами опускалось солнце и золотой нилью сыпался сквозь колосья его догорающій отблескъ... Пѣсней говорила она дочери, что и у нея будутъ такія же зори, будетъ все, что проходить такъ скоро—и надолго, надолго смѣняется деревенскимъ горемъ и работою...

Когда же мать собирала ужинать, Танька, въ одной длинной рубашонкѣ, съерзывала съ печи и, часто перебирая босыми ножками, бѣжала на коникъ, къ столу. Тутъ она, какъ звѣрокъ, садилась на корточки и быстро ловила въ густой похлебкѣ сальцо и закусывала огурцами и картошками. Толстый Васька ѣлъ медленно и тарачилъ глаза, стараясь всунуть въ ротъ большую ложку... Послѣ ужина она съ тугимъ животомъ также быстро перебѣгала на печь, дралась изъ-за мѣста съ Васькой и, когда въ темныя оконца смотрѣла одна морозная ночная муть, засыпала сладкимъ сномъ подъ молитвенный шопотъ матери: „Угодники Божіи, святителю Микола милосливый, столпъ-охраненіе людей, Матушка Пресвятая Пятница—молите Бога за насъ! Хрестъ въ головахъ, хрестъ у ногахъ, хрестъ отъ лукаваго...“

Теперь мать рано укладывала спать, говорила, что ужинать нечего и грозила „глаза выколоть“, „слѣпымъ въ сумку отдать“, если она, Танька, спать не будетъ. Танька часто ревѣла и просила „хоть капустки“, а спокойный насмѣшливый Васька лежалъ, дралъ ноги вверхъ и ругалъ мать:

— Вотъ домовой-то, — говорилъ онъ серьезно, — все спи, да спи!.. Дай бати дождать!

Батя ушелъ еще съ Казанской, былъ дома только разъ, говорилъ, что вездѣ „бѣда“, — полушубковъ не шьютъ, больше помираютъ, — что онъ только чинить кое-гдѣ у богатыхъ мужиковъ... Правда, въ тотъ разъ ѣли селедки, и даже „вотъ такой-то кусокъ“ соленого судака батя принесъ въ тряпочкѣ: „на кетинахъ, говорить, былъ третьяго дня, вамъ, ребята, спрятали...“ Но когда батя ушелъ, совсѣмъ почти вѣтъ перестали..

Странникъ обулся, умылся, помолился Богу; широкая его спина въ засаленномъ кафтанѣ, похожемъ на подрысникъ, сгибалась только въ поясницѣ, крестился онъ широко. Потомъ расчесалъ бородку-клинушекъ и выпилъ изъ бутылочки, которую досталъ изъ своего походнаго ранца. Въесто закуски закурилъ пыгарку. Умытое лицо его было широко, желто и плотно, носъ вздернутъ, глаза глядѣли остро и удивленно.

— Что жъ, тетка, — сказалъ онъ, — даромъ солому-то жжешь, варева не ставишь?

— Что варить-то? — спросила Марья отрывисто.

— Какъ что? Ай нечего?

— Вотъ домовой-то... — пробормоталъ Васька.

Марья заглянула на печку:

— Ай проснулся?

Васька сопѣлъ спокойно и ровно.

Танька прижукнулась.

— Спать, — сказала Марья, сѣла и опустила голову.

Странникъ исподлобья долго глядѣлъ на нее и сказалъ:

— Горевать, тетка, нечего.

Марья молчала.

— Нечего, — повторилъ странникъ. — Богъ дастъ день, Богъ дастъ пищу. У меня, братъ, ни крова, ни дома, пробираюсь бережками и лужками, рубежами и межами, да по задворкамъ — и ничего себѣ... Эхъ, не ночевала ты на снѣжку подъ ракитовымъ кустомъ — вотъ что!

— Не ночевалъ и ты, — вдругъ рѣзко отвѣтила Марья и глаза ея заблестѣли, — съ ребятишками съ голодными, не слыхалъ, какъ голосятъ они во снѣ съ голоду! Вотъ, что я имъ суну сейчасъ, какъ встанутъ? Всѣ дворы еще до разсвѣту обѣгала, Христомъ Богомъ просила, — одну

на чужой сторонѣ. танька

краюшечку добыла... и то, спасибо, Козель даль... у самого, говорить, оборочки на лапти не осталось... А вѣдь ребячь-то жалко—въ отдѣлку сморились...

Голось Марьи зазвенѣлъ.

— Я вонъ, — продолжала она, все болѣе волнуясь, — гоню ихъ каждый день на прудъ... „Дай капустки, дай картошечекъ...“ А что я дамъ? Ну, и гоню: „Иди, моль, поиграй, дѣточка, побѣгай по ледочку...“

Марья всхлинула, но сейчасъ же дернула по глазамъ рукавомъ, поддала ногой котенка („У, погибели на тебя нѣту!“) и стала усиленно сгребать на полу солому.

Танька замерла. Сердце у нея стучало. Ей хотѣлось заплакать на всю избу, побѣжать къ матери, прижаться къ ней. Но вдругъ она придумала другое. Тихонько поползла она въ уголь печки, торопливо, оглядываясь, обулась, закутала голову платкомъ, съерзнула съ печи и шмыгнула въ дверь.

„Я сама уйду на прудъ, не буду просить картохъ, вотъ она и не будетъ голосить,—думала она, спѣшно перелѣзая черезъ сугробъ и скатываясь въ лугъ.—Ажъ къ вечеру приду“.

По дорогѣ изъ города ровно скользили, плавно раскатываясь вправо и влѣво, легкіе „kozyрки“; меренюкъ шель въ нихъ лѣнливой рысцою. Около саней легонько бѣжалъ молодой мужикъ въ новомъ полушубкѣ и одервенѣвшихъ отъ снѣгу нагольныхъ сапогахъ, господскій работникъ. Дорога была раскатистая, и ему поминутно приходилось, завидѣвъ опасное мѣсто, соскакивать съ передка, бѣжать нѣкоторое время и затѣмъ успѣть за-

держатъ собой на раскатѣ сала и снова вскочить бокомъ на облучокъ.

Въ саняхъ сидѣлъ сѣдой старикъ, съ нависшими бровями, баринъ Павелъ Антонычъ. Уже часа четыре смотрѣлъ онъ въ теплый, мутный воздухъ зимняго дня и на придорожныя вѣшки въ инеѣ.

Давно ѣздилъ онъ по этой дорогѣ... Послѣ Крымской кампаніи, проигравъ въ карты почти все состояніе, Павелъ Антонычъ навсегда поселился въ деревнѣ и сталъ самымъ усерднымъ хозяиномъ. Но и въ деревнѣ ему не посчастливилось. Умерла жена... Потомъ пришлось отпустить крѣпостныхъ... Потомъ проводить въ Сибирь сына студента... И Павелъ Антонычъ сталъ совсѣмъ затворникомъ. Онъ втянулся въ одиночество, въ свое скупое хозяйство, говорили, что во всей округѣ нѣтъ челоуѣка болѣе жаднаго и угрюмаго. А сегодня онъ былъ особенно угрюмъ.

Морозило, и за снѣжными полями, на западѣ, тускло просвѣчивая сквозь тучи, желтѣла заря.

— Погоняй, потрогивай, Егоръ, — сказалъ Павелъ Антонычъ отрывисто.

Егоръ задергалъ вожжами.

Онъ потерялъ кнутъ и искоса оглядывался.

Чувствуя себя неловко, онъ сказалъ:

— Чтой то Богъ дастъ намъ на весну въ саду: прививочки, кажись, всѣ цѣлы, ни одного, почитай, морозомъ не тронуло.

— Тронуло, да не морозомъ, — отрывисто сказалъ Павелъ Антонычъ и шевельнулъ бровями.

— А какъ же?

— Обѣдены.

— Зайцы то? Правда, провалиться имъ, обѣли кое-гдѣ.

— Не зайцы объѣли.

Егоръ робко оглянулся.

— А кто жъ?

— Я объѣлъ.

Егоръ поглядѣлъ на барина въ недоумѣніи.

— Я объѣлъ,—повторилъ Павелъ Антонычъ и, помолчавъ, пояснилъ:

— Кабы я тебѣ, дураку, приказалъ ихъ какъ слѣдуетъ закутать и замазать, такъ были бы дѣлы... Значить, я объѣлъ.

Егоръ растянулъ губы въ неловкую улыбку.

— Чего оскаляешься то? Погоняй!

Егоръ, роая въ передкѣ, въ солонѣ, пробормоталъ:

— Кнутъ-то, кажись, соскочилъ, а кнутовище...

— А кнутовище?—строго и быстро спросилъ Павелъ Антонычъ.

— Переломился...

И Егоръ, весь красный, досталъ надвое переломленное кнутовище. Павелъ Антонычъ взялъ двѣ палочки, посмотрѣлъ и сунулъ ихъ Егору.

— На тебѣ два, дай мнѣ одинъ. А кнутъ—онъ, братъ, ременный—вернись, найди.

— Да онъ, можетъ... около городу.

— Тѣмъ лучше. Въ городѣ купишь. Ступай. Придешь пѣшкомъ. Одинъ доѣду.

Егоръ хорошо зналъ Павла Антоныча. Онъ слѣвъ съ передка и пошелъ назадъ по дорогѣ.

А Танька, благодаря этому, ночевала въ господскомъ домѣ.

Да, въ кабинетѣ Павла Антоныча былъ придвинутъ

къ лежанкѣ столъ, и на немъ тихо звенѣлъ самоваръ. На лежанкѣ сидѣла Танька, около нея Павелъ Антонычъ. Оба пили чай съ молокомъ.

Танька запотѣла, главки у нея блестящими ясными звѣздочками, шелковистые бѣленькіе ея волосики были причесаны на косой рядъ, и она походила на мальчика. Сидя прямо, она пила чай отрывистыми глотками и сильно дула въ блюдечко. Павелъ Антонычъ ѣлъ крекдели, и Танька тайкомъ наблюдала, какъ у него двигаются низкія сѣрыя брови, шевелятся пожелтѣвшіе отъ табаку усы и смѣшно, до самаго виска ходятъ челюсти.

Будь съ Павломъ Антонычемъ работникъ, этого бы не случилось. Но Павелъ Антонычъ ѣхалъ по деревнѣ одинъ. На горѣ катались мальчишки. Танька стояла въ сторонѣ и, засунувъ въ ротъ посинѣвшую ручку, грѣла ее. Павелъ Антонычъ остановился.

— Ты чья?—спросилъ онъ.

— Корѣева, —отвѣтила Танька, повернулась и бросилась бѣжать.

— Постой, постой,—закричалъ Павелъ Антонычъ,—я отца видѣлъ, гостинчика привезъ отъ него.

Танька остановилась.

Ласковой улыбкой и общаніемъ „прокатить“ Павелъ Антонычъ заманилъ ее въ сани и повезъ. Дорогой Танька совсѣмъ было ушла. Она сидѣла у Павла Антоныча на колѣняхъ. Лѣвой рукой онъ захватилъ ее вмѣстѣ съ шубой. Танька сидѣла, не двигаясь. Но у воротъ усадьбы вдругъ ерзула изъ шубы, даже заголилась вся, и ноги ея повисли за санями. Павелъ Антонычъ успѣлъ подхватить ее подъ мышки и опять началъ уговаривать. Все теплѣе и теплѣе становилось въ его старческомъ сердцѣ, когда онъ куталъ въ мѣхъ оборваннаго, голоднаго и из-

зѣбшаго ребенка. Богъ знаетъ, что онъ думалъ, но брови его шевелились все живѣе...

Въ домѣ онъ водилъ Таньку по свѣтѣмъ комнатамъ, заставляя для нея играть часы. Слушая ихъ, Танька хохотала, а потомъ настороживалась и глядѣла удивленно: откуда эти тихіе перезвоны и рулады идутъ? Потомъ Павелъ Антонычъ накормилъ ее черносливомъ. Танька сперва не брала: „онъ черниціи, нуко-съ умрешь“, далъ ей нѣсколько кусковъ сахару. Танька спрятала и думала:

— Васькѣ не дамъ, а какъ мать заголоситъ, ей дамъ.

Павелъ Антонычъ причесалъ ее, подпоясалъ голубенькимъ пояскомъ. Танька тихо улыбалась, встѣщила поясокъ подъ самыя мышки и находила это очень красивымъ. На разпросы она отвѣчала иногда очень поспѣшно, иногда молчала и мотала головой.

Въ кабинетѣ было тепло. Въ дальнихъ темныхъ комнатахъ четко стучалъ маятникъ. Танька прислушивалась, но уже не могла одолѣть себя. Въ головѣ у нея роились сотни смутныхъ мыслей; но онѣ уже облекались соннымъ туманомъ.

Вдругъ на стѣнѣ слабо дрогнула струна на гитарѣ и пошелъ тихій звукъ.

— Опять?—сказала она, поднимая брови, соединяя часы и гитару въ одно.

Улыбка освѣтила суровое лицо Павла Антоныча, и давно уже не озарялось оно такою добротою, такою старчески-дѣтскою радостью.

— Погоди,—шешнулъ онъ, снимая со стѣны гитару.

Сперва онъ сыгралъ „Качучу“, потомъ „Маршъ на бѣгство Наполеона“ и перешелъ на „Зореньку“:

Заря ль моя зоренька,
Заря ль моя ясная!

Онъ глядѣлъ на задремывающую Таньку и ему стало казаться, что это она, уже молодую деревенской красавицей, поетъ вмѣстѣ съ нимъ пѣсни:

По зарѣ-зарѣ
Играть хочется!

Деревенской красавицей! А что ждетъ ее? Что выйдетъ изъ ребенка, повстрѣчавшагося лицомъ къ лицу съ голодной смертью?

Павелъ Антонычъ нахмурилъ брови, крѣико захватилъ струны...

Вотъ теперь его племянницы во Флоренціи... Танька и Флоренція!

Онъ всталъ, тихонько поцѣловалъ Таньку въ голову, пахнущую курной избой.

И пошелъ по комнатамъ, шевеля бровями.

Онъ вспомнилъ сосѣднія деревушки, вспомнилъ ихъ обитателей. Сколько ихъ, такихъ деревушекъ,—и вездѣ онѣ томятся отъ голода!

Павелъ Антонычъ все быстрѣе ходилъ по кабинету, мягко ступая валенками, и часто останавливался передъ портретомъ сына...

А Танькѣ снился садъ, по которому она вечеромъ ѣхала къ дому. Сани тихо бѣжали въ чащахъ, опушенныхъ, какъ бѣлымъ мѣхомъ, инеемъ. Сквозь нихъ роились, трепетали и потухали огоньки, голубые, зеленые—звѣзды... Кругомъ стояли какъ будто бѣлыя хоромы, иней сыпался на лицо и щекоталъ щеки, какъ холод-

ный пушокъ... Снился ей Васька, часовыя рулады, слышалось, какъ мать не то плачетъ, не то поетъ въ темной дымной избѣ старинныя пѣсни...

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

№№

- 1 Ив. Бунинъ На край свѣта.-Кастрюкъ.
- 2 — На чужой сторонѣ.-Танька.
- 3 С. Елпатьевскій Гекторъ.
- 4 Н. Златовратскій Мечтатели.
- 5 Н. Никандровъ Береговой вѣтеръ.
- 6 А. Серафимовичъ Въ бурю.
- 7 — Стрѣлочникъ.
- 8 — На льдинѣ.
- 9 — Подъ праздникъ.
- 10 Н. Телешовъ Вѣрный другъ.
- 11 К. Треневъ Шесть недѣль.-Омелько.
- 12 С. Елпатьевскій „Отлетаетъ мой соколикъ“.
- 13 В. Вересаевъ Звѣзда.
- 14 Ив. Бунинъ Весенній вечеръ.
- 15 В. Вересаевъ Лизарь.-Въ степи.
- 16 Г. Яблочковъ Старикъ Цѣтуховъ.
- 17 — Горбатый Карлъ.-Смерть Мюллеръ.
- 18 Ив. Шмелевъ По приходѣ.
- 19 — Какъ надо.
- 20 — Лѣсъ.

Цѣна 10 к.